1690

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА
*** под редакцией д-ра Я. М. КОГАНА ***

Д-р М. В. ВУЛЬФ

ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКИХ КАПРИЗОВ



196/55

Гос. Публ. Б-ка Лнгр.
Нац. Мен.
Обяз. экз. 1929.
6353

ОДЕССА—1929

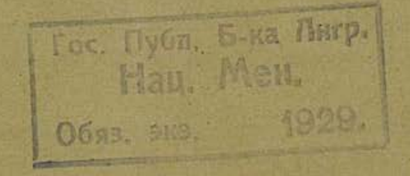


ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА
* * * * под редакцией д-ра Я. М. КОГАНА * * * *

Д-р М. В. ВУЛЬФ

ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКИХ КАПРИЗОВ





ОДЕССА — 1929

Библиографическое описание этого издания помещено в «Літопису Українського Друку», «Карточном репертуаре» и друг. указателях Украинской Книжной Палаты.

Окрліт (Одеса) № 332
Зам. 2752. Тир. 1000. 3 арк.

Видання автора.

Друк. кол. «ПОЛІГРАФ»,
Одеса, вул. Леніна, 31

Психология детских капризов[1]

Исследование психологической сущности явления, которое принято называть «капризами», вполне естественно было бы начать с точного определения того, что следует понимать под этим термином. Это тем более желательно, что нередко в том или другом случае возникает вполне обоснованное сомнение, считать ли данное поведение капризом или нет. Но именно поэтому дать такое определение настолько трудно, что нам кажется более целесообразным сделать это в конце предлагаемой работы и получить это определение в результате исследования, установив предварительно его признаки и сущность. Пока же начнем с простого описания отдельных случаев и постараемся путем анализа их установить главные признаки, симптомы, того явления, которое, с житейской точки зрения, заслуживает названия каприза.

Начну с проанализированнаго мною случая каприза у одной взрослой пациентки. Молодая женщина сидит вечером за чаем в обществе мужа, брата

---

[1]) Предлагаемая работа является, в известном смысле, коллективным трудом. Тема—„детские капризы" была в течение зимы 1923—24 года предметом занятий педагогической секции Московск. Психоаналитическ. Об-ва, и собранные таким образом материалы были, по поручению секции, мною обработаны в данном докладе, за содержание которого, однако, ответствен один я.

своего и их общего приятеля, когда мужу приносят с его службы пакет с секретными деловыми бумагами. Хотя обыкновенно она проявляет мало интереса к делам мужа, на этот раз она выражает желание прочесть эти бумаги. Но муж не дает ей конверта, ссылаясь на служебную тайну. Она злится, протестует, требует, обижается. Присутствующие при этом споре брат и его приятель становятся на сторону мужа, что ее еще больше злит и обижает. Вопрос остается решенным не в ее пользу, и у нее остается чувство обиды, обостренное еще тем, что она не может не сознавать, что по существу она неправа, хотя и не хочет этого допустить. Вскоре после этого все вместе ушли к родным этой женщины, где, по условию, им должны были сделать прививку оспы. Но тут они застали гостей, сделать прививку было невозможно, и все решили отложить ее до другого раза. Однако моя пациентка заупрямилась, настойчиво требовала, чтобы прививка, несмотря ни на что, была ей сделана немедленно, послала в аптеку за всем необходимым, волновалась и заставила врача сделать ей прививку при самых неподходящих условиях, в полутемном корридоре, где проходили посторонние люди. Несколько времени спустя все небольшое общество в том же составе решило пойти в кинематограф. Подошли к одному театру, куда хотели пойти муж и брат пациентки, но вдруг она заявила, что не хочет пойти в этот театр. Объяснить причины она не могла и, несмотря на уговоры и просьбы своих спутников, решила одна ехать домой. Муж и брат вошли в театр, а она в сопровождении приятеля подошла к ближайшей остановке трамвая, причем она все время не переставала сердиться и требовала от своего спутника, чтобы он ушел и оставил ее одну. Тем временем

муж и брат вернулись, так как в этом театре свободных мест уже не оказалось. Тогда она сразу согласилась пойти в другой театр. Но прийдя туда, категорически отказалась, на требование швейцара, снять покрытые снегом ботики. Швейцар удовлетворился тем, что счистил снег с ботиков. Представление прошло без инцидентов, но по окончании она заявила, что хочет ехать домой трамваем, хотя уже было поздно и движение трамваев прекращалось. Брат и приятель ушли, а она с мужем остались ждать у остановки трамвая, хотя было совершенно очевидно, что ждут напрасно. Однако, вопреки очевидности, она капризно настаивала на своем и ни пешком ни на извозчике отправиться домой не хотела. Неизвестно какую часть ночи им пришлось бы прождать, если бы на счастье не прошел знакомый, который стал ее убеждать, что трамвая не будет. В присутствии постороннего человека ей неловко стало продолжать свои нелепые капризы, и она согласилась отправиться домой пешком. Это капризное настроение длилось у больной еще в течение следующего дня, и только на сеансе, рассказывая все это мне, больная искренне смеялась над нелепостью своего поведения, особенно тогда, когда после анализа поняла ее. Анализ тут был нетруден, и вывод его можно формулировать так: «Я знаю, что я неправа, но хочу, чтобы тем не менее все было по моему». Относилось это к конверту с секретными деловыми бумагами и к ее праву их читать. Она сознавала, что в сущности она глубоко неправа, но не только не хотела этого признать, а, наоборот, требовала, чтобы другие признали ее правоту в том, в чем она неправа, и чтобы сделали по ее желанию. И вот она в течение всего вечера повторяла, воспроизводила ту же ситуацию, чтобы убедить

себя и других в своей правоте и весь вечер злилась, потому что не могла не чувствовать своей неправоты и нелепости своего поведения и потому что, чем больше она воспроизводила ту же ситуацию хотя и в различных формах, тем больше она чувствовала свою неправоту и злилась.

Случай этот весьма инструктивен. Раньше всего он показывает, что во всех этих бесчисленных капризах мы имеем дело с действиями нелогичными, нецелесообразными, часто нелепыми, противоречащими требованиям реальной ситуации и в то же время упорно воспроизводимыми под влиянием неосознанных, бессознательных мотивов. Такие действия вполне заслуживают названия симптоматических действий, т. е. таких, за которыми, несмотря на их кажущуюся нецелесообразность, нелогичность, немотивированность, «случайность», скрывается какая-нибудь определенная тенденция, какое-нибудь вытеснение или неясно осознанное желание, стремление—и т. п. Мы можем поэтому сказать, что каприз есть симптоматическое действие. Кроме того, когда взрослые капризничают, в поведении их бросается в глаза какая-то инфантильность, несоответствующая обычным проявлениям взрослой психики. Обыкновенно так и говорят: «капризничает, как маленький ребенок», или: «детские капризы». Этим как бы признается положение, что капризы—это особенность, свойственная детскому возрасту или инфантильной психике. Этим указывается одно условие, необходимое для возникновения каприза, а именно: отношение человека к данному явлениию или поведение человека сходное с отношением или поведением ребенка; сущность такого поведения сводится к проявлению известной неправильной оценки, непонима-

ния, незнания или вообще нелепой, несоответствующей данному положению реакции. Человек, сознающий свою силу, не капризничает; каприз—это реакция слабого человека на требования реальности, когда он оказывается не на высоте положения. Капризы проявляются тогда, когда человек попадает в положение беспомощности, слабости, бессилия, невозможности одолеть данную ситуацию или проблему. Понятно поэтому, почему капризы так часты у маленьких детей, которые ведь часто оказываются в положении естественной беспомощности и слабости, вследствие ограниченности их сил и возможностей, вследствие незнания и непонимания действительности.

Однако это еще не все: сама по себе слабость, беспомощность перед реальностью, непонимание и бессилие перед ее требованиями не рождает еще каприза; необходима еще определенная реакция на такую ситуацию, определенная аффективная установка к ней, необходим еще *конфликт между собственным желанием и этой реальностью, нежелание принять ее и признать свою слабость и беспомощность перед ней*. Для такого положения мы имеем хороший термин в немецкой литературе, а именно: *установка протеста* (Trotzeinstellung) к реальности. В приведенном примере слабость и бессилие пациентки заключались в ее неправоте, понимание которой ей навязывала реальность, а конфликт—в ее нежелании признать эту неправоту и невозможности не признать ее. Отсюда ее беспомощная нелепая установка протеста против этой реальности, которая и выразилась в целом ряде нелепых, бессмысленных симптоматических действий-капризов. Это именно та психологическая ситуация, которая, по мнению *A. Adler'а*, составляет сущность всех неврозов (что,

по моему, безусловно неверно; формула эта для психологии неврозов слишком проста, одностороння и не охватывает их сущности); он называет это «мужским протестом с женскими средствами»; в применении к капризам, по крайней мере, было бы правильнее название: «детский протест с бессильными средствами».

Переходя к рассмотрению детских капризов я должен отметить, что тут мы часто встречаем препятствие для нашего понимания их в том обстоятельстве, что всякое симптоматическое действие может стать вполне понятным только тогда, когда мы его проанализируем, что у детей не всегда возможно. В тех же случаях, когда это удается или когда капризы проявляются в форме известных или понятных нам символов или легко объяснимы внешней ситуацией—понять тот или другой каприз у ребенка удается довольно легко. Для примера приведу два каприза шестилетнего мальчика: «Он хочет отомкнуть книжный шкаф отца маленьким ключиком от своей игрушечной шкатулки и плачет, когда ему это не удается. Ему предлагают ключ от шкафа, но он не хочет, сердится и упрямо плачет: не хочу большим ключем, хочу маленьким. Возится у шкафа, плачет, злится и так длится около часу».

Шестилетний мальчик мог бы уже понять невозможность, неосуществимость своей затеи или, по крайней мере, на опыте убедиться в этом и принять объяснения старших. Одно только детское непонимание не объясняет, кроме того, аффективного отношения к своей неудаче и упрямого нежелания примириться с ней. Ясно, что тут что-то задето было у ребенка, что раздражало, сердило и глубоко волновало его.

Знакомство с символикой и с данными психоанализа могут помочь понять смысл симптоматиче-

ского действия у этого ребенка. Шкаф — типичный женский символ, ключ — символ мужского органа Если принять еще во внимание, что мальчику шесть лет — возраст, совпадающий с периодом первичного вытеснения и преодоления Эдиповского комплекса, то становится понятным его поведение. Он бьется над преодолением Эдиповского комплекса и переживает сложные конфликты амбивалентных чувств, вытекающие из ситуации этого комплекса. Он не хочет признать свою слабость перед отцом, противится чувству малоценности, навязываемому ему реальностью—и все эти аффективные переживания находят свое выражение в этом капризном симптоматическом действии. Такого же содержания и второй каприз того же мальчика в том же возрасте: «Он требует, чтобы всю воду из большого самовара перелили в игрушечный чайник и при том так, чтобы ни одной капли не было пролито, требует настойчиво, раздраженно; уговоры взрослых, их доказательства невозможности выполнить требование все больше и больше раздражают ребенка. Он доходит до того, что начинает с остервенением бросать на пол посуду со стола». Это такой же симптоматический акт, сопровождающийся такой же аффективностью,— и нам нетрудно понять, что и содержание его, его внутренний смысл—тот же, что и в предыдущем случае. Большой и маленький ключ заменены здесь большим самоваром и маленьким чайником, т. е. и здесь такое же невыгодное для него сравнение себя с отцом, нежелание признать превосходство отца, упрямое желание, чтобы «маленький» предмет (с которым он отождествляет себя) оказался равным, ни в чем не уступал «большому» (отцу) и такое же упрямое нежелание признать невозможность этого. Тут, кроме того, намечается еще деталь

имеющая отношение к уретральной эротике и указывающая на роль конституционального момента в капризах — о чем речь будет еще ниже.

В приведенных двух примерах капризов шестилетнего мальчика проявляется действие «первичного вытеснения», они связаны с переживаниями Эдиповского комплекса, и понять их смысл можно поэтому, только зная и понимая тот символический язык, которым эти капризы выражены [1]). Поэтому гораздо проще и понятнее такого рода капризы у детей младшего возраста, у которых неприспособленность, незнание реальности и налагаемых ею необходимых ограничений гораздо очевидней. Возьмем, например, следующий каприз Васи, которому около $1^1/_2$ лет. Он желает обуть кожаные башмаки Эрика; так как руководительница не удовлетворяет его требования, то он долго кричит, бьется головой о пол, срывает с себя туфли. Его кладут на кровать, но там плач продолжается, он пытается слезть с кровати. Заметив это, руководительница усаживает его на ковер и, по его просьбе, пробует опять обуть его. Но тут, увидав свои собственные туфли, он снова начинает кричать, противиться—и повторяется та же картина. Его оставляют в покое. Некоторое

[1]) Мне очень хорошо известно, что многие читатели будут «глубоко возмущены» «странностью и дикостью» всего этого понимания символики и тем, что «все это приписывается шестилетнему ребенку». На это я могу сказать только одно: все это не выдумка досужей и «испорченной» фантазии, а продиктовано самой жизнью, результат чисто эмпирического и совершенно непредвзятого изучения бессознательной психической жизни взрослого и ребенка. Чтобы судить об этом, необходимо раньше всего проверить факты, т. е. изучить практически и теоретически психоанализ, а не рассуждать с точки зрения своего личного вкуса.

время он продолжает плакать и кричать, потом успокаивается, бегает по комнате, и когда у него остыли ножки, он уже попросил, чтобы его обули и не протестовал против своих туфель.

Может быть этот случай нельзя даже причислить к капризам в настоящем смысле. Ребенок просто протестует против того, что ему отказывают в его желании и не умеет еще считаться с тем, что его желание недопустимо или неисполнимо. Это, если можно так выразиться, только зародыш каприза, нечто среднее между капризом и самоутверждением.

Такого же характера, но уже более развившиеся,— настоящие, типичные — капризы Шуры, четырех лет. «Он хочет кататься верхом на лошадке. Он часто сам пробует и просит взрослых прикрепить веревочку к гладкой плоскости стола, но веревочка скользит по поверхности доски стола и ничего у него не получается. Тогда он обращается к руководительнице: «привяжи веревочку, я хочу на лошадке ехать». Руководительница хочет привязать веревочку к ножке стола, но Шура протестует: «нет,—нельзя за ножку, надо тут», — указывая на крышку у угла. Ему объясняют, что это невозможно, что на крышке не к чему прикрепить веревочку, но Шура сердится, топает ногами, явно страдает и настаивает на своем. Остальные дети сознают невыполнимость его требования и наперебой доказывают ему это. Особенно выделяется Лика. «Шурочка, ведь привязать можно только за дырочку, без дырочки нельзя». Она указывает ему на узкую трещину в столе и говорит: «вот тут дырочка маленькая, когда она будет больше, можно будет привязать, когда стол еще немножко сломается — тогда тебе Рося привяжет». Эти доводы и, вероятно, обнадеживающие перспективы на буду-

щее, нарисованные Ликой, подействовали на Шуру, он глубоко вздохнул, подошел к руководительнице и попросил: «ну уж привяжи эту веревочку к ножке».

Капризное, с точки зрения взрослых, требование Шуры объясняется его непониманием, незнанием реальности и невозможности исполнить его просьбу, а, с другой стороны, — нежеланием подчиниться необходимости, особенно, когда этого требуют взрослые, которые, очевидно, по представлению Шуры, все смогут, если захотят этого; и за это нежелание он на них и сердится. Таков постоянный характер частых капризов Шуры. Укажу, например, еще на следующий случай: «Дети стали собирать сучья, и я предложила им развести костер. Наибольшую охапку принес Шура. Когда костер сгорел, пошли домой. Шура стал плакать и требовать обратно свои сгоревшие сучья, принесенные им для костра Объяснение, что они ведь сгорели, на него не действовало — и тут пришел на помощь Эрик, который отдал ему свою еловую ветку в компенсацию за сучья». Здесь вполне очевидно непонимание Шуры невозможности исполнить его желание, его незнание реальности. Но что он склонен причину невыполнимости своих желаний приписывать злой воле и недоброжелательству взрослых, — это видно из следующего случая: «Шура охотно встает, чтобы одеться, но когда замечает, что я даю ему чистый костюмчик, он моментально садится на постель и начинает громко плакать: «Не хочу этот, хочу другой». — «Какой другой?» — спрашивает руководительница.— «Белый». — «Белый грязен, — когда его выстирают, ты опять его наденешь», — отвечают ему, но он продолжает кричать: «хочу белый!» — да и только. «Шурочка, хочешь одеваться?» — спрашивает руко-

водительница, не обращая внимания на его крик: «если не хочешь, я пойду одевать Мариночку». Это действует на Шуру успокаивающе, он встает и начинает одеваться. Он хочет сам завязать рубашку на плече, — долго старается, но не может. Руководительница предлагает ему свою помощь, но он раздраженно отвечает: «у, не люблю тебя!» — и продолжает сам трудиться».

Такая установка Шуры объясняется не тем, что к нему относятся хуже, чем к другим, или, что от него требуют большей уступчивости, а тем, что в прежних условиях своей короткой жизни, до поступления в Детский Дом, — он был всеобщим любимцем и баловнем взрослых, с которыми жил и которые наперебой старались исполнять всякое его желание. Он, что называется, житейски, несколько избалованный, заласканный ребенок, не привыкший к отказам и ограничениям. Что такое воспитание приносит вред ребенку, — об этом распространяться не приходится, но приведенный случай поучителен особенно тем, что в нем намечается та психическая реакция, которая нередко вырабатывается у таких избалованных детей на необходимые ограничения неумолимой реальности, а именно—*чувство обиды и озлобление против этой реальности и тех, кто ее в данную минуту воплощает* (отказ от услужливого предложения помощи и слова: «у, не люблю тебя!»). Заласканные, избалованные дети легко становятся обидчивыми и озлобленными людьми (как и обиженные, нелюбимые), жизнь которых полна напрасных и излишних страданий и горя в таких случаях, где другим бывала бы радость. — У таких детей всякое ограничение, даже самое необходимое, легко становится причиной обиды и источником капризов («обидчивые», капризные

дети). Характерен в этом отношении следующий случай: «Марина разобиделась на то, что я отвела ее от лестницы, где носили доски и ее могли задеть. Она уселась в «игралке» на пол, положила голову левой щекой на пол и в такой неудобной позе горько плакала. После этого ее настроение резко изменилось, она стала то сердито, то требовательно плакать из-за каждого пустяка, не хотела быть в группе, уходила в корридор».

Положение однако значительно осложняется, когда мы возьмем следующий пример: «Трехлетний мальчик просыпается ночью: — «мама, дай мне что нибудь». — Мать: «конфетку хочешь?» — «Нет, не хочу конфетки, хочу что-нибудь». Мать: «может быть ты пить хочешь?»—«Не хочу пить, хочу что-нибудь». Мать предлагает ребенку поочередно все лакомства, которые имеются в доме, потом игрушки, различные предметы, которые могут его заинтересовать, но ребенок раздраженно и протестующе отвергает все и повторяет свое: «хочу что-нибудь». И так всю ночь, пока не уснул совершенно измученный.

Раньше всего у нас тут возникает вопрос: что понимает ребенок под своим «что-нибудь»? Знание значения этого «что-нибудь» помогло бы нам, может быть, понять смысл этого каприза, но без этого знания мы можем видеть во всем этом только одно: какую-то беспомощность ребенка, проявленную при стремлении удовлетворить какое-то неизвестное нам и, может быть, непонятное и ему, неосознанное им желание, и протест против этой беспомощности, усугубленный еще непониманием матери и невозможностью объяснить ей это «что-нибудь».

Однако этот факт наводит еще на одну мысль. Очевидно, что описанное нами общее положение протеста против чувства малоценности, навязываемое

реальностью, и нежелание признать эту реальность— составляет только общую формулу, нечто вроде психического механизма каприза, и что в каждом отдельном случае в эту общую формулу вливается еще какое-то специальное содержание, специальное переживание, и мы начинаем уже подозревать, что именно это содержание может помочь нам осветить много интересных сторон детской психики и ее развития. Уже в приведенных выше примерах самых примитивных капризов Шуры и Марины слабо намечается еще один внутренний мотив, имеющий отношение к лицу, к которому предъявляется их капризное требование. Но если в этих случаях содержание протеста («хочу» или «не хочу») направляется все же против объективных возможностей реальности (привязывание веревки к гладкой поверхности, требование сгоревших прутьев и т. п.), то в других случаях центр тяжести этого капризного протеста все резче и больше передвигается на отношения к лицам, становящимся настоящим объектом капризов, а реальные условия внешних обстоятельств играют скорее роль привходящего момента, повода. Это выясняется уже в случае другого каприза того же трехлетнего мальчика: «Он заявляет няне: «няня, грязно, вымети комнату». Говорит это требовательно, раздраженно. Няня покорно исполняет его, похвальную по существу, просьбу и выбрасывает накопившийся в комнате сор. Ребенок спокойно за ней следит, пока она метет, и некоторое время остается спокойным. Но снова таким же тоном, как и раньше, обращается к няне: «не хочу, чтоб было чисто; хочу, чтобы было грязно». Няня старается успокоить его, напоминая, что уборка была сделана по его просьбе. Ребенок однако все больше раздражается, плачет, требует, чтобы няня внесла сор обратно в комнату. Няня в

конце-концов уступает и приносит выметенный сор. Но тут требования малыша еще повышаются: «разложи сор по комнате, как прежде, чтобы все лежало там, где лежало раньше».

Каприз этого ребенка можно отчасти понять, если принять во внимание опять-таки его трехлетний возраст и символическую симптоматологию, выразившуюся в объекте каприза — в соре. Ребенок, очевидно, находится в стадии преодоления своего анального комплекса и приучения к чистоте, и на этой почве он переживает конфликт между стремящимся к удовлетворению влечением и требованием реальности в лице няни, под влиянием которого развивается у него любовь к чистоте, опрятности. Но тут мы уже встречаемся и с новым моментом огромной важности, имеющим решающее значение в ходе психического развития ребенка. Дело в том, что для ребенка требования реальности всегда конкретизируются в лице матери, няни, отца и других членов семьи или воспитывающих его лиц, и тех влияний, требований и воздействий, которые исходят от этих лиц. Поэтому аффективная сторона отношений к этим лицам играет решающую роль при выработке у ребенка определенной установки к реальности вообще и в частности при выработке его реакций на те или другие требования, предъявляемые этой реальностью. А эти аффективные отношения могут быть подвержены различным изменениям и колебаниям, и далеко не всегда только по вине ребенка, а в зависимости от состояния и личного отношения этих лиц к ребенку или в силу внешних условий. Все это также может быть источником и причиной осложнений и недоразумений, вызывающих капризы ребенка. В разбираемом нами случае требование чистоты и приучение к опрятности вероятно чаще всего

исходили от няни и в том возрасте были главным, может быть даже единственным реальным требованием, предъявленным к ребенку. А из психоанализа мы знаем, как часто это требование вызывает со стороны ребенка противодействие, протест, — сопротивление, — то, что называется Widerstand. Всех этих соображений вполне достаточно, чтобы объяснить этот каприз по существу. Но именно потому, что к общим положениям, обусловленным данным периодом развития(к трудностям, связанным с приучением к чистоте) примешивается аффективный момент в личных отношениях к воплощающей эти требования реальности няне, мы не можем исключить того, что поводом к капризу могли послужить какие-нибудь случайные, привходящие или временные моменты, вытекающие из этих отношений, например, какая нибудь случайная ссора, недоразумение между ребенком и няней или постоянные причины, обусловленные характером няни и ее отношением к ребенку. Непонятной поэтому остается и заключительная часть этого каприза, требование, — «разложить сор по комнате, как прежде, чтобы все лежало там, где лежало раньше».

Указанный новый момент сразу вносит большое осложнение в, казалось бы, столь простые условия возникновения каприза, так как здесь присоединяется ряд трудно уловимых фактов, вытекающих из личных отношений между ребенком и воплощающими для него реальность лицами. Это могут быть длительные постоянные факторы, характерные для данных взаимоотношений, для данной установки ребенка к воспитателю и воспитателя к ребенку, и могут быть временные, случайные факторы, обусловленные психическим, психофизиологическим состоянием или настроением воспитателя или ребенка. И что не ме-

нее важно — этот новый момент играет большую роль не только при возникновении каприза, но имеет решающее значение при дальнейшем развитии и ликвидации каприза—о чем речь будет ниже.

Самой характерной в этом отношении является история капризов девочки Лики. Я говорю «история капризов», потому что она была «очень капризным» ребенком, и история ее капризов будет в то же время и историей хода ее развития в некоторых отношениях, начиная с начала второго года жизни и в течение первых четырех лет. Начинается эта история с следующей хронологически первой и крайне характерной и многозначительной картинки, описанной в дневнике:

«К концу прогулки пришли родители девочки Лики. Они подошли сначала к Марине и стали ее ласкать и целовать. Лика стояла, держась за перила кроватки, сильно покраснела и опустила головку. Когда родители подошли к ней, она даже не взглянула на них и не переменила позы, потом сильно расплакалась и успокоилась лишь у матери на руках. Когда сели обедать, Лика потребовала, чтобы мать ее кормила, и это желание было исполнено. Но съев несколько ложек, она опять заплакала, не хотела есть, отталкивала тарелку, ложку, била ногами и т. п. Я впервые видела Лику в таком состоянии, но мать сказала, что дома она часто устраивала такие сцены. Когда родители ушли, Лика почти моментально успокоилась, попросила, чтобы ее покормили и ела с большим аппетитом».

Думаю, что комментарии тут излишни. Глубокая обида, нанесенная ребенку родителями при приходе, создала в нем сразу определенную крайне отрицательную установку к сложившейся временной реальности, которая нашла себе выход в ее капризном

поведении. Скоро эта установка к реальности, сложившаяся, очевидно, еще дома под влиянием поведения родителей, их явного предпочтения сестре Лики Марине, начинает проявляться и в новых условиях Дет. Дома. Начинает действовать механизм перенесения чувств с родителей иа руководительницу. Следует целый ряд капризов: «Лика не могла переварить, что, я, сидя рядом с ней, кормлю Васю. Она все время протягивала мне свою ложку, крича: «на, на» — а мой ответ: «я занята, кушай сама»—встречала громкими криками, капризными слезами, отталкивала тарелку, брыкала ножками. Так длилось до тех пор, пока Вася не поел и я не ушла с ним в спальню. Тогда Лика успокоилась и стала есть. В таком же духе следует ряд капризов, повторяющихся почти каждый день, и все они выражают одно и то же требование, чтобы на нее преимущественно обращали внимание, чтобы с ней играли, ее забавляли и т. п. Примеры:

«Дети уснули поздно, всех беспокоила Лика, отчаянно кричавшая впродолжение целого часа. Капризное настроение началось у нее еще до ужина, она требовала, чтобы только с ней разговаривали и держали бы ее на руках. Когда ее уложили в кроватку, она молчала только в то время, пока около нее стояла руководительница, и подымала неистовый крик, как только та уходила».

Другой случай: «Посаженная на кроватку, Лика начала неистово плакать. Я пересадила ее на стул, дала ей игрушек, но она стала бросать их на пол, а потом просила поднять их и дать ей. Так повторилось несколько раз. Если я не сразу это делала, она ерзала, плакала, а поданную вещь снова бросала на пол. Чувствовалось, что ей хотелось использовать свое дурное настроение». В этом заключительном за-

мечании чувствуется больше дурное настроение руководительницы, раздраженной капризным требованием ребенка и не понимавшей смысла этого требования. Ребенок просто хотел, чтобы с ним играли. Бросание вещей, перебрасывание вещами из рук в руки (игра в мяч)—любимейший вид игры маленьких детей. Тут вероятно большое значение имеет удовольствие от движения, мелькания вещей, их приближения и отдаления, исчезновения и быстрого появления вновь в сфере зрения, нахождения и узнавания — что составляет любимейшие игры маленьких детей.

Через несколько месяцев Лика и Марина из-за болезни были взяты домой, оставались там долгое время с матерью, и положение еще более обострилось. Дело в том, что обе сестры-близнецы были далеко не в равной степени наделены любовью и вниманием родителей; преимущество, оказываемое родителями Марине, было настолько явно и демонстративно, что вызвало даже вмешательство со стороны руководителя ДД, который обратил их внимание на пагубные для обоих детей последствия такого положения вещей. По возвращении в ДД ситуация для двухлетней Лики еще больше осложнилась — и тут началась серия капризов, которые повторялись с удивительным однобразием изо дня в день и сопровождались особым психическим состоянием, заслуживающим названия капризного хронического состояния (status capriciosus chronicus) и длившимся около двух недель. Первый из этих капризов, помеченный в дневнике 15 числом месяца, описан так: «за обедом, совершенно неожиданно Лика устроила сцену, так и оставшуюся непонятной для меня. Села она за стол в хорошем настроении, радостно подставила мне первая свою тарелку; пока я ей наливала, Эрик спросил: «это суп?» — Я

ответила: «да, молочный». Лика вдруг страшно расплакалась, крича: «моя моко, моя моко!» (мое молоко). Я пододвинула ей тарелку, она оттолкнула ее, продолжая кричать: «моя моко!» В голосе слышался протест, будто у нее отнимают что-то ей дорогое. Швыряла ложку, хлеб, с отчаянием тянулась к тарелке, чтобы вновь отшвырнуть ее. Я ушла в соседнюю комнату, думая, не раздражаю ли я ее, но она продолжала плакать все так же безутешно. Я вновь подошла к ней, приласкала ее, вытерла ей личико. Она замолчала и потянулась к тарелке. Но тут началось все сначала. Принесли второе блюдо (блинчики). Лика даже привскочила и с отчаянием завопила: «моя катока» (моя картошка), я положила блинчик на ее тарелку. Она опять закричала: «не надо катока!»—пришла в сильное возбуждение, подскакивала на стуле, обеими руками хваталась за тарелку и вновь ее отталкивала. Потом как-то замолчала и совсем другим голосом сказала: «гази моки»—(глаза мокры). Я вытерла ей глаза и лицо—и она, как ни в чем не бывало, стала есть блинчики. С‘ев свою порцию, попросила супу и добросовестно очистила всю тарелку».

Из многочисленных подобных же сцен, которыми в тот период заполнялся дневник, приведу только следующих две: «Перед утренним чаем Лика начала плакать по вчерашнему. Когда я подошла с нагрудничком, чтобы повязать ей, — она выхватила его у меня, сказав: «не надо»—и швырнула прочь. Сейчас же закричала: «моя гугуни!» — и горько заплакала, не сделав однако попытки взять его. Так она пролежала на полу довольно долго, а невдалеке лежал нагрудник, которого я не трогала. Лика долго отчаянно плакала: «моя!»,—но даже не глядела на него. Когда я стала резать хлеб, Лика подошла и протя-

нула ручку: я положила ей кусочек булки с маслом. Она его отшвырнула и заплакала: «моя! моя!»—потом стала бить меня, приговаривая: «нанадо мама, нанадо мама!»—Чувствуя, что ей плохо, я очень серьезно ответила ей: «сейчас придет К., и я уйду». Лика вдруг залилась слезами, но уже не кричала, а горько плакала, обхватила мои колени, прижималась ко мне и повторяла: «мая мама, мая мама, нанадо тетя!» Приласкав ее и успокоив, как могла, я вышла на минутку в корридор, а, вернувшись, нашла Лику, на стуле с веселой улыбкой уплетающей булку».

Через два дня: «Проснулась Лика и жалобным тоном позвала меня: «мама!». Я перенесла ее на большую кровать, дала ей все ее вещи и стала доканчивать одевание Марины. Лика сидела бледная и хмурая, опустив голову и держа палец на губах. Когда я подошла к ней, она стала кричать; «нанадо! нанадо!»—держа ногу обеими руками, чтобы я не надела на нее чулок. Я отошла одевать Эрика. Лика закричала и заплакала, сбросила все свои вещи на пол, потом тянулась к ним, крича: «мая! мая!» Если я подавала их ей, она опять швыряла с криком: «нанадо!» Лика очень ярко выражала враждебные чувства к Марине, к Эрику и ко мне. Глазки ее злобно сверкали и очень определенно смотрели на того, кого она хотела обидеть. Марина была уже на полу, поэтому Лика ограничилась криком: «на надо мама» и плевками в ее сторону. Эрика она толкала ногами, била, хватала за волосы, тоже крича: «на надо Эрика!». Эрик стал плевать в ее сторону, чем вызвал страшные слезы и жалобы: «Эрик плети!» (плюется); длился ее плач минут 10—12».

Приведенных записей уже вполне достаточно, чтобы понять смысл и значение этих капризов, в которых отразился тяжелый душевный конфликт.

душевная трагедия двухлетнего ребенка. Переведенная домой, к родителям, после того, как в ДД Лика чувствовала себя в течение некоторого времени на равном положении с сестрой, она особенно остро стала реагировать на обиду из-за предпочтения, оказываемого родителями Марине. Обострилась чувствительность ее, развилось чувство ревности, и это не могло не отразиться на ее поведении, когда она вернулась в ДД; тут она прежде всего столкнулась еще с одной «мамой», в лице руководительницы, матери Эрика. До своего пребывания дома Лика называла эту руководительницу, как и других, «тетей», а после стала звать ее «мамой», в отличие от других руководительниц, за которыми осталось название «тетя». Уже этим одним фактом она определенно показала, что выделила эту руководительницу среди других и «отождествила» ее с матерью, т. е. перенесла на нее свои чувства и отношения к матери, свою «аффективную установку» к ней. Для этого, в ее возрасте, вполне достаточно было того, что Эрик называл ее «мамой» и что она таковой для Эрика и была. Но эту новую «маму» пришлось делить со всеми детьми, особенно же со своей старой соперницей Мариной и с предъявлявшим на эту маму преимущественные права Эриком. Как же тут было не разыграться тяжелому душевному конфликту, ревности, зависти, озлоблению против Марины, Эрика и против его матери даже—конфликту, приведшему к совершенно определенной амбивалентной аффективной установке к последней. Вследствие этого при всяком столкновении с ней, в особенности же тогда, когда реальная жизнь в лице этой руководительницы предъявляла определенные требования (одеваться, мыться, есть и т. п.) выполнения чего-нибудь или отказа от каких-либо желаний, со стороны ребенка немедленно

проявлялось раздражение, упрямство, установка протеста (Trotzeinstellung)—с одной стороны, желание ласки, любви, преимущественного влияния с ее стороны, с другой. Эта последняя установка и находила себе выражение в описываемых капризах. Интересно еще отметить, что все эти тяжелые подчас сцены происходят только на дежурстве матери Эрика. Бывали попытки покапризничать и у других руководительниц, но они сравнительно быстро ликвидировались сами собой, не разростаясь в такие бурные сцены и сложные переживания, как описываемые. Вот пример—запись, сделанная другой воспитательницей и относящаяся к тому же времени на следующий день после только что описанной сцены (20—V:) «Лика проснулась после дневного сна, позже других, опухшая, хмурая, жалобно ноющая. В первый раз и со мной случилось та же история—она и хочет и не хочет одеваться, начинает сильно плакать, голова ее опущена, палец у рта, глаз не видно. Я ей объяснила, что она меня задерживает, так так детям пора уже пить чай, положила платье на тумбочку и собиралась уходить. Лика пронзительно закричала, протягивая ручки к тумбочке. Я вновь стала ее одевать. Она моментально смолкла, но личико оставалось хмурым и головка оставалась опущенной».

Тут же интересно отметить еще одну запись два дня спустя: «Лика много раз, как-то без всякой связи с предыдущим говорила: «А Мина папина». Один раз, сидя на кровати, сама с собой рассуждала так: «А Мина мамина; неть, Мина папина; неть, Мина мамина; неть, мама моя». На вопрос: а ты папина?—ничего не ответила, а только лукаво засмеялась».

Интересно проследить дальнейшее развитие этого конфликта. Дальше все озлобление Лики на-

правилось против Марины и Эрика, по отношению к которым она стала проявлять злобу, ненависть и зависть, ревность. Вот образцы ее поведения из дневников: «Вдруг Лике обязательно понадобился стул, на который садилась Марина. Я ей не уступила, так как Марина тоже захныкала, защищая свое право. Тогда Лика стала требовать стул Эрика, Эрик на него уселся, Лика кинулась на Эрика, стараясь оцарапать ему лицо. С более тихим плачем она отправилась со мной за другим стулом. А когда нужно было придвинуть стул для нее, Лика вырвала свою ручку из моей и сердито проговорила: «бабу» (не хочу).» В тот же день запись: «Лика проснулась в очень капризном настроении, не хотела одеваться, приставала к Марине, требуя себе «куклу», а потом к Эрику, который играл двумя металлическими поломанными игрушками. Она тянула игрушки себе, а получив отпор, садилась на пол, капризно кричала, перегибаясь головой до самого пола. Другие игрушки сердито отшвыривала. Наконец, мне удалось обменять у Эрика прельщавшую ее игрушку на другую. Получив желаемую игрушку, Лика на минуту успокоилась, но увидав, как Эрик играет новой игрушкой, снова потянулась к нему, требуя себе уже эту игрушку».

Я позволю себе здесь маленькое отступление, чтобы отметить, как в связи с этой борьбой за материнскую любовь у ребенка начинает развиваться чувство собственности. Вот выписка из дневника. «Перед сном Лика капризничала, требовала, чтобы я стояла около нее, поднимала крик, когда я подходила на зов к Мариночке или Эрику. В течение всего дня она иногда брала какую-нибудь игрушку, прижимала к себе и сердито говорила: «мое» хотя никто и не собирался отнимать у нее игрушку.

Несколько раз, уже будучи в кроватке, начинала хныкать: «мое пипи (когда Мариночка или Эрик садились на горшок) «мая бай-бай», «мая тулочка» (чулочек). Несколько раз отталкивала мою руку, когда я одевала ее после дневного сна, говоря: «на надо», и быстро подзывала меня обратно, когда я отходила». «Перед сном Лика опять начала свой крик и плач, не хотела укрываться одеялом, крича: «на нада!»—а когда я оставляла одеяло на спинке кроватки, кричала: «мая!» и тянулась к нему. Попросилась на горшок, сделала и легла, но когда я вынесла горшок, она подняла неистовый крик: «мая пипи!». Потом очень долго плакала: «мая бай-бай».

Потерпев неудачу в своем требовании исключительной любви и внимания со стороны матери Эрика, Лика проделала довольно сложный психический процесс приспособления: она, во-первых, отделила слившиеся было образы своей матери и матери Эрика и стала отличать «Эрикину маму» от «моей мамы», что произошло приблизительно год спустя. Вот запись, указывающая на этот процесс: «Лика спокойно легла, но как только я отошла, стала плакать: «стой вокла мина» (возле меня). Я ответила, что мне надо укладывать других детей, а когда всех уложу, тогда постою с удовольствием, и ушла в игралку подмывать других детей. Лика плакала капризно и требовательно звала сначала «Каолю», потом стала кричать: «моя мама!» Наконец я услышала: «Эрикина мама! Эрикина мама!» Подхожу: «что тебе Ликочка?» «Лидочка меня обидела»—«Чем она тебя обидела?» «Ана гавалит, тыто там калобка, а я гавалю, тыто там латядка». Я успокоила ее, сказав, что там и лошадка и коровка».

Во-вторых, Лике удалось перенести свою любовь на другую руководительницу, ставшую на некоторое

время ее любимицей: «Лика убежала вслед за С. А., дежурившей до моего прихода. Через некоторое время С. А. привела ее обратно, немного хмурую, но спокойную. Лика подошла к песочному ящику и вдруг увидела у Миши плоский камень, по которому он колотил молотком. «Мое, мое!»—стоит на некотором расстоянии, видимо не решаясь подойти, протягивает ручку и с громким плачем твердит: «мое мое!». Я предложила ей найти другой камень и поменяться с Мишей, но она засунула четыре пальца в рот, села на пол у двери, которая выходит на лестницу, и принялась кричать во весь голос: «Каоля! Каоля!». Я оставила ее в покое, но несколько времени спустя подошла к ней и спокойным, деловым тоном попросила ее помочь мне причесаться. Она сначала отмахивается, крича: «ни кацю маму, кацю Каолю! Каоля!». Но соблазн слишком велик, тем более, что и Марина изъявила желание помочь мне, а потому она встает, неохотно идет за нами на балкон и становится подле меня».

С уходом из дома ее любимой руководительницы интерес Лики снова возвращается к матери Эрика, и тут интересно отметить попытку Лики «убежать в болезнь», чтобы подкрепить свое право на ее исключительное внимание. Так она однажды, жалуясь на обиду, будто бы нанесенную ей Шурой, говорит: «да, я кашляю, а он меня обижает!». Или следующий эпизод: «Лика бегает и кружится по спальне: спотыкается и садится на пол. Несколько мгновений сидит совсем тихо, потом вдруг замечает меня, ложится на пол и капризным тоном заявляет, что она упала и что я должна помочь ей встать. Я отвечаю, что она и сама может это сделать. Лика требовательно и капризно плачет, бьет ногами, кричит с надрывами. Минут через 15 плач стихает. Вдруг я

чувствую, что кто-то обхватил меня и крепко, крепко прижался. Оказывается Лика. Ласкается ко мне, прижимается: «мамочка, мамочка!». Приласкав ее, предлагаю ей одеться, и после этого на целый день у нас с ней самые прекрасные отношения».

Все эти сложные переживания и конфликты психоанализ об'единяет в один «комплекс переживаний», получивший название Эдиповского. История Лики ярко иллюстрирует насколько уклонения и ненормальности в переживаниях этого комплекса и вытекающие отсюда конфликты затрудняют процесс приспособления к реальности и извращают нормальную здоровую жизненную установку ребенка и правильное развитие его аффективной жизни. Приведу еще один пример из анализа взрослой больной, где мы можем уже проследить и самые отдаленные последствия сложившихся в детстве конфликтов, вытекающих из того же «Эдиповского комплекса». Я имею в виду больную, страдавшую не очень тяжелыми и не очень ярко выраженными припадками навязчивости, хотя она производила на окружающих скорее впечатление вполне здорового человека, только с тяжелым характером и некоторыми странностями. Самым ранним симптомом ее было особое капризное состояние, появившееся, по словам родственников, уже в возрасте двух лет. Эти капризы она, по воспоминаниям из более позднего периода, лет пяти, описывает так: одевание всегда давало повод к различным капризам, особенно же, когда нужно было одеться для торжественного случая, напр., приема гостей, или отправиться куда-нибудь в гости. Во время одевания часто разыгрывались сцены вроде следующей: «няня, дай платок». Няня дает. «Не надо платка, оставь платок»—бросает платок на землю, и начинается плач, крик: «Няня, дай платок, няня дай

платок!» Няня сначала протестует, но потом уступает и, подняв платок, дает его. Тут повторяется: «не хочу платка, не надо платка», бросает платок на пол, и опять все сначала начинает—и так часами. При этом она бросалась на пол, металась и билась головой до того, что ее связывали. Подобные сцены повторялись очень часто по всякому поводу и без повода в возрасте от двух до пяти лет. Она кричала до исступления и до изнеможения, и ничем нельзя было ее унять. Чем же это вызывалось? Понятно не теми—часто мнимыми—поводами, которыми крик и капризы провоцировались. Это был сплошной протест против действительности, против определенных отношений и обстоятельств и против чувства собственной слабости, беспомощности, а также месть, желание причинить другим неприятность своим криком. Дети часто кричат «на зло» другим, и детские капризы всегда и прежде всего проявляются в громком плаче и крике, в котором элемент злобной мести также играет немалую роль. Вообще дети кричат для других — как об этом с очаровательной откровенностью рассказала двухлетняя Ниночка. Играя в саду, она упала и сильно разбилась. Мать увидала большой синий кровоподтек на ее ручке и спросила: «Ниночка, ты упала, разбилась?». «Да, мама». —«Больно тебе было бедненькой?»—«Да, очень!»— «Вот уж верно плакала!»—Ниночка удивленно подняла брови, покачала головкой и сказала: «нет, мама, никого не было!». И Лика, как это неоднократно отмечается в дневнике—крича, следила за тем, какое это впечатление производит на руководительницу.

А больная, о которой идет речь, имела все основания протестовать и быть недовольной и озлобленной.—Она была вторая из двух дочерей, а позже средняя из трех и мать любила и восхищалась стар-

шей и самой маленькой, а к средней относилась часто враждебно, озлобленно, смеялась, издевалась над ней, подчеркивала, что старшая красива, даже красавица, а она «урод»—(чего на самом деле вовсе не было)—злая, хитрая, непокорная и т. д. Мать заставляла старшую плясать часто при посторонних и восхищалась ее грацией, красотой, ловкостью, а потом призывала трех-четырехлетнюю Кирочку, велела ей плясать и громко в ее присутствии издевалась над ее неуклюжестью, неловкостью, уродством, доводя ребенка до слез. А иногда потешалась над ней еще лучше: призывала ее к себе и громким, повелительным и строгим голосом приказывала: «Кира, иди за меня в клозет!». Девочка возражала: «мамочка, но я не могу, мне не нужно!». Мать хохочет над испугом ребенка, но тут же сдерживается и тем же строгим голосом продолжает: «иди, когда тебе говорят, ты должна слушаться, я тебя высеку». Ребенок заливается громким плачем в отчаянии от невозможности выполнить требуемое и от страха, а мать-самодур хохочет. Подобные безобразные сцены были нередки, и понятно, какую отрицательную аффективную установку вызвали они у ребенка к матери, к ее требованиям и ко всей этой жизненной обстановке. К этому присоединились еще конституциональные моменты в виде повышенной чувствительности эрогенных зон и связанных с ними функций, и у больной с самого раннего детства появились совершенно невероятные запоры и недержание мочи. За это последнее она подвергалась мучительному и унизительному наказанию: ее секла та же мать, причем ребенок должен был сам обнажать свои nates и добровольно ложиться,—в противном случае число ударов увеличивалось. Все эти сцены сопровождались явными садистическими проявлениями со стороны

матери, что не ускользало от девочки, которая чувствовала, что мать любит издеваться над ней и мучить ее.

Из жизни этой больной расскажу еще следующее: по выходе замуж ее жизнь сложилась исключительно несчастливо в смысле внешних условий, но она, несмотря ни на что, никогда в жизни не знала настоящей радости. И даже тогда, когда она однажды на одном фешенебельном балу получила сразу два первых приза—один за красоту и изящество, а другой за лучшие жемчуга, она не поколебалась в своем убеждении, что она некрасива и чувствовала себя попрежнему несчастной и уродливой. Такова сила материнского внушения!

Эндогенные источники капризов

До сих пор мы рассматривали случаи капризов, возникших на почве конфликта между требованиями внешней реальной действительности и возможностями, желаниями или общей установкой ребенка, причем эти требования реальности были слишком повышены или усложнены условиями и конфликтами, не соответствующими еще слишком скромным силам ребенка, степени его понимания и развития его способности разрешать поставленные перед ним жизнью задачи. Но возможности и желания ребенка, временные и преходящие или постоянные, могут зависеть еще от внутренних эндогенных причин, обусловленных чисто физическими причинами, в виде ли особенностей его психофизической конституции, в виде ли особых временных физиологических или патологических состояний. Эти эндогенные причины могут вызвать повышенную чувствительность, раздражимость, затрудняющую течение обычных реакций и процессов

и вызывающую состояние капризности, при котором ребенок сам абсолютно не в состоянии разобраться в своих ощущениях и переживаниях или потребностях, а чувствует, повидимому, только неудовлетворенность, которую не знает, как объяснить и чем устранить. Сюда относится состояние усталости, сонливости (если внешние условие не допускают спокойного сна), неудовлетворенного голода или жажды, повышенная температура, плохое самочувствие, вследствие общего недомогания, какого-нибудь заболевания, болей и т. д. или состояния реконвалесцентности после уже перенесенной болезни. На такой физиологически подготовленной почве могут возникнуть капризы при малейшем столкновении с реальностью и по поводу минимальных требований необходимости. Кстати замечу только, что часто взрослые люди ведут себя в таких случаях совершенно так же, как маленькие дети, и такие состояния могут служить прекрасной пробной реакцией для проявления скрытого иногда или замаскированного инфантилизма психики взрослого. Для примера такого рода капризов у детей приведу следующую запись из дневника ДД: «Принесли обед минут на 15 позже обычного; дети, проголодавшись после прогулки, нетерпеливо просили есть. Последние 10 минут стоял дружный крик и плач Когда же обед был подан, они стали капризничать, отталкивать тарелки, швыряли на пол ложки и т. п. Особенно отличались Марина и Вася. Марина успокоилась, когда ее стали кормить. Вася же капризничал все сильней, не хотел есть черного хлеба, требовал булки. На второе здоровым детям была рисовая каша, а больным молочный кисель. Вася оттолкнул свою тарелку с кашей, потребовал киселя и успокоился только тогда, когда съел свой кисель».

Особенно участились капризы, когда дети заболели колитом, были на диэте и систематически недоедали. За этот период в дневнике следует ряд чрезвычайно типичных записей:

«С утра дети были очень голодны и непрерывно плакали, особенно Вася и Миша. Миша не просил ничего, как другие, а просто плакал, громко и протестующе визжа, предлагаемые игрушки швырял на пол и все чего-то требовал, показывая на пустой угол комнаты, но чего он хочет, я понять не могла». Интересно, что тут уж капризничали все, и особенно отличался даже Миша, — обыкновенно спокойный, веселый и вовсе не капризный ребенок.

Но особенно интересны и поучительны следующие две записи: «Эрик (сегодня он вообще много плакал и капризничал, сердился на Мишу) ревновал меня к ним, чего до сих пор никогда не было. И чем дальше шло время, тем капризнее он становился, играл игрушками, смотрел книжки и все хныкал». В параллель с этой, следующая запись: «Перед обедом Вася начал звать мать и обиженно кричать, вспомнив, повидимому, что мать вчера вечером ушла от него, сел на пол, кричал, катался по полу». Характерно в этих записях повышение требования внимания, ласки, а вместе с тем и усиление ревности под влиянием недомогания, плохого самочувствия, вызванного болезнью и хроническим голодом от недоедания и диэты. Возможно, что то обстоятельство, что им не давали достаточно есть,—дети, очевидно, воспринимали, как обиду, как следствие недостаточной к ним любви, не понимая истинной причины этого.


Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

Заслуживает внимания еще одна запись из этого периода, касающаяся Васи. «Вася захотел отобрать у Эрика зайца, а когда ему это не удалось, он повалился на пол и долго капризно плакал. Успокоился,

сев на горшок, но вскоре опять стал капризничать, требовал что-то непонятное, сидя на стуле просился на пол; попав на пол, немедленно просился на стул. Потом эти периоды капризов сменялись каким-то чрезмерным оживлением: он бегал, кричал, смеялся. Васю только сегодня перевели из лазарета и большое количество детей на него, повидимому, повлияло возбуждающе». Тут мы сталкиваемся с новым, так называемым экономическим моментом в душевной жизни, о котором речь будет ниже. Теперь же, именно в связи с Васей, я хочу подчеркнуть значение одного момента из числа эндогенных, а именно конституционального, часто играющего большую роль как в самом происхождении капризов, так и в форме их проявлений. Вася вообще капризничал часто и далеко не случайность, что все его капризы, даже и при полном здоровьи, а не только во время заболевания колитом, были связаны с едой. Вася был вообще обжорливым ребенком, он любил есть, разбирался в пище и проявлял более определенно выраженные вкусы в еде, чем все остальные дети, — что объясняется повышенной чувствительностью его оральной зоны (ротовой)—и эта его конституциональная особенность стала для него источником раздражения и пониженной приспособляемости, а, следовательно, и источником капризов. Ему трудно было овладеть влечениями этой зоны, и тут чаще всего возникали конфликты с требованиями реальности. Чем сильнее и властнее какое-нибудь, обусловленное конституциональной чувствительностью, влечение, тем труднее ребенку овладеть им, подчинить его ограничительным требованиям реальности, тем острее вытекающие из этой борьбы конфликты и тем чаще возникают поводы к сопротивлению, протестам и капризам. В первом из приве-

денных мною случаев, у семилетнего мальчика, желавшего перелить все содержимое самовара в маленький чайник, этот конституциональный момент отражается на самом материальном, так сказать, «явном»[1]) содержании каприза, указывающем на яркую уретральную эротику, на большое значение для него как самого акта мочеиспускания, так и количества мочи, в котором он желает конкурировать с отцом; у его младшего трехлетнего брата в капризе с сором проявляется трудность в приучении к чистоте и опрятности, что указывает на конституционально повышенную анальную эротику и конфликты в связи с ней. То же и у девочки Киры. Конституционально повышенная анальная и уретральная эротика требовали от нее максимального напряжения сил, чтобы овладеть соответствующими физиологическим функциями, преодолеть и сублимировать связанные с ними эротические раздражения. А между тем антипедагогические воздействия и вредное влияние матери (обусловленные несомненно и у нее такими же конституционально - наследственными анально-садистическими моментами), развившие у ребенка повышенную чувствительность, враждебную установку, чувство своей малоценности (имеющее еще и другие источники) и установку протеста, приведшую к желанию делать на зло, лишили ребенка необходимых психических сил и импульсов, чтобы уступить, пойти навстречу требованиям, послушаться, овладеть этими влечениями,—сил, вытекающих из любви к матери или воспитательнице. Это привело к специальным, специфическим конфликтам, выразившимся в нарушении этих функций (упорнейшие запоры с самого раннего дет-

[1]) Пользуюсь терминологией сновидений: «явное содержание сновидений».

ства, недержание мочи) и в целом ряде психических явлений, из которых некоторые вполне заслуживают названия патологически усиленных капризов (плач и крики часами, сцены с няней).

Для объяснения всех этих влияний эндогенных моментов необходимо выдвинуть упомянутый выше экономический момент в психической жизни. Мы имеем тут дело с длительными, временными или постоянными раздражениями от происходящих в организме процессов физиологического или патологического характера и с наростанием этих раздражений до такой степени, что справиться с ними оказывается не по силам индивиду (ребенку или взрослому). Это ведет к своего рода застою накопленной энергии раздражений, к повышенной раздражительности, которая проявляется, наконец, в повышенной неадэкватной реакции на случайные внешние раздражения, если они только по характеру своему могут дать хотя бы малейший повод к таким несоответствующим реакциям, заслуживающим названия капризов[1]). Получается состояние повышенной чувствительности, когда может раздражать все: и шум, и тишина, и свет, и темнота, и молчание, и разговор и т. д. Тут каприз является тем симптоматическим действием, в котором находит выход, отток эта эндогенная, накопившаяся энергия раздражения. Так можно понять, может быть, и те странные случаи, когда периоды капризов резко сменяются состояниями веселого возбуждения, как это было в привеценном выше случае с Васей и в нижеследующем случае с Мариной[2]).

[1]) «Иррадиация раздражения»—на языке физиологов-рефлексологов.

[2]) Не могу удержаться, чтобы не сделать здесь замечания о том, что эти факты имеют некоторую аналогию с яв-

«В 9 часов начала укладывать детей спать. Марина стала протестовать, отбиваться. Кричала, отталкивала меня, брыкала ногами, не позволяя себя раздеть. Оставила ее в покое. Через некоторое время она сама попросила, чтобы ее раздели, спокойно легла, но как только потушили свет, принялась капризно и сердито-жалобно плакать. Доводы, что свет мешает другим спать, не помогали. Я взяла ее на руки, показала огоньки на реке, она утихла, смотрела, как проходили трамваи, радовалась. Потом сказала: «хатю пать». Но как только очутилась в кроватке, стала опять плакать: «и надо визигать, и надо визигать»,—что значит: не надо тушить света. Лика запротестовала: «мама, минотька мине мисяить пать». Пришлось перевести Марину в комнату Л. Гр., там она почувствовала себя хорошо, страшно веселилась, хохотала, кувыркалась и прыгала в кроватке. Несколько раз говорила: «хотю пать», ложилась и вновь вскакивала. Вначале 11-го часа, с ее ведома и согласия, ее перевели обратно в спальню. Но тут она опять стала кричать и своим криком разбудила Мишу и Лидочку и т. д.». Здесь налицо картина какого-то странного возбуждения от неизвестной, очевидно, причины, которым ребенок даже при желании не может овладеть и которое переходит то в распущенную веселость, то в капризы и крик при попытке ее уложить и успокоить.

Должен еще добавить, что экономический момомент играет также большую роль и в описанных прежде капризах, вытекающих из нарушений отношений к объекту и из установки, вытекающей из переживаний Эдиповского комплекса. Сложность

лениями маниакально-депрессивных состояний, которые м. б. объясняются так же экономически.

этих переживаний, их частая противоречивость (амбивалентность), весь наплыв разнообразной игры чувств оказываются не под силу ребенку, требуют от него крайнего напряжения сил и становятся источником непосильных для него психических раздражений, являющихся причиной капризов и хронического капризного состояния. К тому же нельзя забывать, что в развитии переживаний Эдиповского комплекса большую роль играют и эндогенные причины в виде главным образом, эротических влечений и желаний имеющих и биологические корни.

От капризов эндогенного происхождения, которые трудно понять, потому что сам ребенок не может объяснить, чего ему не достает, а внешние обстоятельства не дают объяснения его поведению, один только шаг к тем случаям, где причина кажущегося странным и непонятным поведения ребенка, просто заключается в его неумении объяснить, что ему нужно, и в непонимании взрослых. А если его беспомощность встречает у взрослых, что вовсе нередко бывает—раздражение, нежелание вдуматься в ситуацию и понять ребенка, а отделаться от него поскорее, то ребенок легко может стать в свою очередь жертвой каприза взрослых. А это бывает, несомненно по крайней мере столь же часто, как и обратное, если не чаще еще. Для иллюстрации приведу пример таких псевдо-капризов.

«Вася попросил «а-а». Я посадила его на горшочек, но он вскочил, выбросил его из кроватки и вновь закричал «а-а». Я вновь посадила, он опять вскочил и проделал то же самое, а потом повалился на постель, стал дрыгать ногами, кататься и все кричал: «а-а!» Я оставила его в покое. Тут вошла няня с другим горшочком, который она мыла. Вася вдруг просиял, вскочил на ножки и, показывая на горшо-

чек, весело закричал: «а-а!» Усевшись на него, успокоился и долго сидел, смеясь и болтая. Тогда я поняла, отчего он плакал: я его сажала раньше на лазаретный горшочек, к которому он не привык, а няня принесла наш, групповой.

Свой протест и недовольство маленькие дети иногда выражают плачем, криком, поведением, заслуживающим иногда названия каприза, нарочно создавая, провоцируя ситуации, которые дали бы им повод для более или менее подходящей, соответствующей реакции. Они, что называется, «придираются» ко всякому удобному или неудобному поводу, а иной раз и сами нарочно создают его, чтоб дать выход накопившемуся у них раздражению—как это, впрочем, нередко делают и взрослые. Вот прекрасный пример подобного поведения: «Эрик сидит в своей постели и играет. Я сижу в соседней комнате, пишу дневник. Вдруг, не знаю почему, он что-то швырнул на пол. На мой вопрос: что он бросил?—Эрик ответил весело: «падусу. А ти captази мне: ни надо бросать, она будет грязная». Вдруг Эрик надул губы и притворно обиженным тоном заявил: «ты миня обидела, я сицясь буду плакать». Некоторое время он повторял эту фразу, тон был не совсем естественный, но очень аффективный. Как-то трудно было разграничить, где кончается игра и начинается действительность[1]).

[1]) Заслуживает внимания это чрезвычайно интересное поведение ребенка, характеризующее его отношение к реальности, хотя это не относится к разбираемому вопросу. Как легко ребенок принимает только что сочиненную им игру за реальность и как легок для него аффективный переход от вымысла к действительности, как легко реагирует он аффектами на вымысел даже тогда, когда не может не сознавать вполне ясно, что его реакция относится не к реаль-

Я вошла в комнату, Эрик лежит на спине, выражение его личика одновременно и лукавое и сердитое. Губы надуты, руками теребит гениталии. Увидав меня: «Ты меня обидела, я на тебя сержусь». «Чем же я тебя обидела?» — «Ратом» (ртом). — «Я тебе что нибудь плохое сделала?» — «Да». — «Что же я тебе сделала?» — «Э! Э! (у Эрика «Э» выражает брань, обиду). Я тебя обизяю: Э! Э! Э! Э!». Эрик сердитый, он широко раскрывает рот и даже высовывает язык от усердия.—«Это ты меня так бранишь?». «Ни гавари са мною! Я теперь тебя не люблю, — ты миня обидела. Я типерь този тебя обидил». Покричав немного свое «Э», он успокоился, подозвал меня к себе и стал ласково угощать чаем с сахаром и редиской». Таких случаев было несколько, и все

ному, а к его же собственному вымыслу. При наличности определенной аффективной установки примитивная психика чрезвычайно легко переносит этот аффект на любое внешнее содержание или объект, и к этому сводится, в сущности, психический механизм, преобладающий в детстве, в примитивной психике, носящий название проекции, характеризующий отношение примитивной психики к реальности и составляющий психологическую сущность анимизма. Вот еще один пример: «Проплакав над кашей, Шура попросил себе большую тарелку и, получив ее, успокоился, стал есть кашу и хвастать перед остальными детьми, что у них маленькие тарелки, а у него большая. Вдруг Миша задорно говорит: «нет, у тибя ни басяя талека, у тибя маинькая». И несмотря на очевидный факт, Шура опять обиженно расплакался». Слов Миши было вполне достаточно, чтобы вызвать соответствующую реакцию, несмотря на их совершенно очевидное несоответствие реальности. Эти факты, может быть, проливают некоторый свет на сущность механизма проекции, заключающуюся в преобладающем влиянии аффективности и жизни влечений (Triebleben) в примитивной психике, в сравнении с которым внешние воздействия реальности оказываются слишком слабыми и недостаточными, чтобы сделать возможной правильную оценку этой реальности.

они выражали обиду Эрика на мать и относятся все к периоду после ее возвращения из поездки, когда она впервые в его жизни оставила его и уехала с отцом.

Мне остается сказать еще несколько слов о «ликвидации капризов», т. е., если исходить из нашего понимания психологии капризов, каково должно быть поведение педагога и его реакция на капризы ребенка?

Само собой разумеется, что наказание за капризы в какой бы то ни было форме совершенно исключается. Ведь это значило бы сделать для ребенка еще более неприемлемой и без того непосильную для него реальность. Не лучшей оценки заслуживает и поведение педагога, сводящееся к тому, чтобы «переупрямить» ребенка. Это настолько очевидно, что распространяться об этом совершенно излишне.

Но из этого вовсе не следует, что необходимо немедленно идти навстречу всяким капризным требованиям (поскольку это осуществимо, — что не всегда бывает) из боязни «раздражать» ребенка, не останавливаться ни перед какими уступками ради спокойствия ребенка (а в самом деле скорей ради своего собственного). Необходимо раньше всего проследить, как влияет такое уступчивое поведение воспитателя на ребенка.

Каждодневный опыт показывает, что если идти немедленно навстречу всем капризным требованиям ребенка, то требования эти не только не прекращаются, а часто, наоборот, разрастаются и принимают прямо уродливые формы, доходя до требований вроде: «не хочу этого пирога, хочу съеденного пирога» или «хочу того, чего не бывает». Поскольку ребенок действительно сознает неосуществимость

своих требований, подобного рода поведение его объясняется аффективным отношением к лицу, на которое эти капризы направлены, и выражает желание помучить это лицо, унизить его, поиздеваться над ним и т. п. Кроме того, попытка ликвидировать каприз излишней уступчивостью, лаской, нежностью усиливает у ребенка чувство обиды, лежащей в основе каприза, несправедливости к нему, укрепляет его в его праве требовать компенсацию и усиливает его чувство жалости к самому себе — что еще больше озлобляет его, раздражает и заставляет еще сильнее протестовать, кричать, плакать. Так моя пациентка, о капризах которой была выше речь, помнит прекрасно, что, когда она начинала кричать, ей уже трудно было остановиться, удержаться, было стыдно уже своего крика, хотелось прекратить, но она уже не могла. Когда няня или родные ее увещевали, успокаивали и приставали к ней с просьбами успокоиться, с обещаниями и т. п., она думала: «зачем они это делают, ведь это хуже, ведь это не помогает, а только раздражает». Приведу один очень характерный пример: «Марина отняла у Эммы доску. Эмма запротестовала, заплакала, но Марина так настойчиво кричала: «мая!» «мая!» — что я предложила Эмме поискать совместно другую доску. Та согласилась, доска нашлась, и Эмма спокойно продолжала игру. Я села мерить температуру Мише. Марина осталась одна в пустой комнате, сидела молча, со злым лицом, упрямо нагнув голову. Через некоторое время она заплакала. Я не могла к ней подойти из-за Миши. Плач ее все усиливался и переходил уже в крик. Я попросила Лику подойти успокоить ее. Лика не хотела, но Эмма предложила пойти вместе, и Лика охотно согласилась. Я слышала, как они спрашивали: «Миночка, о чем ты плачешь?

Миночка, что с тобой?» — Потом прибежали ко мне огорченные: «Она не отвечает, толкается». Услышал это Шура и по собственной инициативе побежал к Марине. «Милацька и плаць, мы все тибя любим». В ответ крик еще усилился, и Шура вернулся обезокураженный. Вошла Дуня. Я попросила ее успокоить Марину, так как крик переходил уже границы ее обычного плача, но в ответ на слова Дуни, Мариночка стала истерически кричать. Наконец, я кончила мерить температуру и подошла к ней. Ее крик был требовательный, капризный, вызванный очевидно тем, что я не сразу подошла к ней И в самом крике и в ее позе на полу сквозил момент распущенности, будто она не хотела себя сдерживать и дала волю своим стремлениям к капризу дойти до апогея. Поэтому я решила не успокаивать ее, а поскорее ввести ее в рамки самообладания.—Подойдя, я сказала довольно громко и строго: «Мариночка, перестать плакать. Тебя никто не обидел и тебе не больно. Вставай, пойди играть». Она сразу замолчала, поднялась и, даже не всхлипывая, сказала: «Чичаш я важму ш шобою детку».

Успокоительная ласка других лиц (детей, Дуни) только усиливала горечь обиды из-за невнимания того лица, от которого больше всего требовалось внимания, любви. Так это бывает и с чувствительными инфантильными взрослыми: обида, нанесенная любимым объектом, чувствуется еще горьче, вызывает еще более острую реакцию в атмосфере участия, любви со стороны других. Дается та же любовь, но не тем, от кого требуется, не та, что дает удовлетворение, и эта чужая, ненужная любовь только обостряет душевную боль и усиливает неудовлетворенность, обиду и раздражение. Иногда даже внимание и любовь настоящего объекта, люби-

мого лица, но вынужденная, выраженная не в той форме, которая желательна, не удовлетворяет; или запоздалая, уже ненужная любовь после того, как преодолена острота лишения ответного чувства, вызывает ту же реакцию.

Так же раздражающе действует, далее, ласка и внимание тогда, когда, как это часто бывает, каприз связан с иногда даже не совсем ясно осознанным чувством своей неправоты, вины, несправедливости своего требования (моя взрослая пациентка в первом примере). А такое положение очень часто бывает благодаря тому, что каприз, как всякое симптоматическое действие, выражает вовсе не то, что оно в действительности означает, направляется не на настоящее, главное, нужное, истинное, а на заменяющее, суррогатное, часто совсем даже ненужное. Поэтому и удовлетворение каприза часто вовсе не успокаивает, не удовлетворяет, а только раздражает. Быстрое удовлетворение требования не кладет поэтому конец капризу.

Необходимо, далее, принять и здесь во внимание еще экономический момент, выражающийся в адекватности, равноценности, соответствии между раздражением и реакцией на него. Такой адекватности в поведении и реакциях ребенка еще нет, он еще не научился управлять ими, не умеет владеть своими аффективными проявлениями, и они часто переходят границу нормального. Ведь недаром же преобладающий у него психический механизм это — проекция, т. е., как сказано выше, аффективный механизм. Его реакции часто так же преувеличены, как движения человека, который учится танцевать, кататься на коньках и т. п. Ребенку необходимо научиться владеть собой, сдерживать себя, сохранять это экономическое равновесие в психической жизни, и в этом

ему должно притти на помощь правильное воспитание, которое должно развить в нем необходимые задержки. А капризы являются именно такими преувеличенными, неадекватными реакциями, требующими заторможения.

Необходимо далее подчеркнуть, что ликвидация каприза зависит в сильной степени от источников его. Там, где источником каприза является конфликт, вызванный простым незнанием, непониманием реальности и ее возможностей, каприз иногда ликвидируется простым выяснением истинного положения вещей. (Случай Шуры). Положение усложняется в тех случаях, где капризы возникают на почве аффективных конфликтов с объектом, олицетворяющим требования этой реальности. Тут решающее значение имеет правильность общей установки к объекту, характер вытекающих из этой установки аффективных отношений и, наконец, характер реакции объекта на каприз. Тут разрешение конфликта соприкасается уже с основными моментами воспитания вообще, поскольку они зависят от выбора объекта и так называемого Эдиповского комплекса. Наконец, капризы происходящие из Эдиповских причин разрешаются в зависимости от большей или меньшей возможности устранить эти причины (накормить ребенка, уложить его спать, устранить боль и т. п.).

Резюмируя все вышеизложенное можно формулировать следующие положения:

Каприз представляет собой «симптоматическое действие», выражающее конфликт между требованиями и возможностями реальности и влечениями, желаниями, требованиями ребенка. Каприз выражает нежелание ребенка принять

эту реальность и его отрицательную, упрямую установку (Trotzeinstellung) к ней. Он есть следствие неудачного или еще неудавшегося приспособления к требованиям реальности.

Источники каприза:

1) Незнание, непонимание ребенком реальности и ее возможностей.

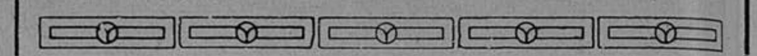
2) Эндогенные причины—физические, конституциональные и патологические (последние понимаются в смысле нарушения физиологических функций организма),—затрудняющие приспособление к требованиям реальности и повышающие «комплексную» чувствительность. Чаще всего действует совокупность перечисленных мотивов.

3) Неприятие требований этой реальности, воплощенной в объекте, к которому имеется особая аффективная установка, вытекающая из отношений Эдиповского комплекса.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.
Психология детских капризов 3
Эндогенные источники капризов 31



ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Д-р С. ФЕРЕНЦИ. Интроекция и перенесение.

Д-р М. ВУЛЬФ. Фантазия и реальность в психике ребенка.

Проф. З. ФРЕЙД. Психоаналитические этюды.

Д-р Я. КОГАН. Отождествление и его роль в художественном творчестве. (Распродано).

Проф. Э. БЛЕЙЛЕР. Аутистическое мышление.

Д-р А. ХАЛЕЦКИЙ. Анализ восприятия художественного творчества.

Анна ФРЕЙД. Введение в технику детского психоанализа.

Проф. О. БУМКЕ и проф. ШИЛЬДЕР. Современное учение о неврозах.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
в Центральном Оптово-Розничном Книжном Складе
„СОВЕТСКАЯ МЕДИЦИНА"
МОСКВА, проезд Художественного театра, № 6.

Проф. П. ШИЛЬДЕР. Очерк психиатрии на психоаналитической основе.

Проф. Э. БЛЕЙЛЕР. Аффективность, внушаемость и паранойя.

Д-р М. ВУЛЬФ. Психология детских капризов.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Одесское Отделение Государствен. Издательства Украины
ОДЕССА, улица Лассаля, № 33 (Пассаж).



Цена 75 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Одесское Отделение Государствен. Издательства Украины
ОДЕССА, ул. Лассаля № 33, (Пассаж).

88
690